

Консультативное заключение Международного суда о законности применения ядерного оружия в свете принципов и норм международного права

Размышления о его достоинствах и недостатках

Манфред Мор¹

Международный суд 8 июля 1996 г. наконец вынес Консультативное заключение о законности угрозы ядерным оружием или его применения. Рассмотрение этого вопроса было долгим, началось оно 30 октября 1995 г. с открытием публичных слушаний. Суд неоднократно сообщал, что вынесет Заключение к определенной дате, но каждый раз назначенный срок проходил, а решения все не было. В результате возникли опасения, что, возможно, не удастся собрать необходимого большинства голосов для подтверждения противоправности применения ядерного оружия в целом. Это явилось бы крупной неудачей для инициаторов рассмотрения данного вопроса и нанесло бы удар по развитию международного права.

История одного успешного начинания неправительственных организаций²

В мае 1992 г. в Женеве ряд неправительственных организаций развернул международную кампанию под названием «Проект всемирного суда». Организаторами кампании были существующее с давних времен Международное бюро мира в Женеве, хорошо известное Международное движение «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» и Международная ассоциация юри-

¹ Манфред Мор — доктор права, профессор международного права, на протяжении многих лет является экспертом по международному гуманитарному праву. Публикуемая статья представляет собой расширенный вариант лекции, прочитанной им перед экспертным комитетом по международному гуманитарному праву Германского Красного Креста. Разделы, посвященные юрисдикции Суда, в статью не вошли.

Статья написана на немецком языке.

² Более полную информацию по данному вопросу см.: *M. Mohr. Das «World Court Project» — vom Erfolg einer NGO-Kampagne. Humanitäres Völkerrecht. Informationsschriften*, 8 (1995) 3, p. 146 и далее.

стов против ядерного оружия (IALANA), созданная в конце 1980-х гг. Позже к ним присоединились еще около десяти международных неправительственных организаций, в том числе международная природоохранная организация Гринпис. Таким образом, казалось бы не имеющая большого будущего инициатива немногочисленных непреклонных пацифистов за короткое время превратилась во всемирное движение, в котором участвует множество правительственных и неправительственных организаций.

Этот пример лишний раз иллюстрирует действенность и мобилизующее значение — даже вне сферы прав человека — неправительственных организаций, то есть той силы, которую именуют «гражданское общество». Международное движение Красного Креста также является частью этого «сообщества неправительственных организаций», несмотря на особый образ Движения, сформированный основополагающими принципами Красного Креста, и несмотря на то, что на Международных конференциях Красного Креста представители Движения работают вместе с представителями государств, а Международный Комитет Красного Креста (МККК) имеет особый статус. Чем полнее Международное движение Красного Креста сможет осознать себя как *определенную* общность внутри этого сообщества неправительственных организаций, тем быстрее оно сможет наладить сотрудничество с ними, разумеется, при условии соблюдения принципов беспристрастности и нейтральности. Подобное развитие происходит не только в области прав человека (например, Германский Красный Крест участвует в обсуждении данной проблемы, организованной неправительственными организациями в Федеративной Республике Германии), но также в области разоружения, в частности ядерного. В эпоху, последовавшую за ядерными взрывами в Хиросиме и Нагасаки, Международный Красный Крест неоднократно заявлял о своей позиции по этому вопросу¹.

Сейчас, как и всегда, важно, чтобы инициативы, предпринимаемые неправительственными организациями, подхватывались и воплощались в жизнь международным сообществом государств. В этом смысле «Проект всемирного суда» не остался, как замечает судья Ода, всего лишь «идеями» отдельных неправительственных организаций², напротив, очень быстро выяснилось, что как для неправительственных организаций, так и для сообщества государств проблема ядерного оружия отнюдь не разрешилась с окончанием противостояния Востока и Запада. Речь идет не только об опасности распространения этого оружия. Существованию человечества продолжает угрожать ядерный арсенал, которым обладают пять «великих» ядерных держав. Поэтому и появилась мысль прибегнуть к наивысшему авторитету в области права — Международному суду, чтобы он раз и навсегда четко определил характер этого оружия.

Главным критерием здесь служит международное гуманитарное право, которое, похоже, наконец потеряло репутацию малопонятного свода норм и пользуется теперь большой популярностью за пределами Международного

¹ См., например, *M. Mohr. — M. Cohen, M. Gouin (eds.). Lawyers and the Nuclear Debate. Ottawa, 1988, p. 82* и далее.

² Несовпадающее особое мнение судьи Ода, пункт 8.

движения Красного Креста, о чем свидетельствуют многочисленные заявления со стороны ООН и различных европейских организаций. Этому, безусловно, способствовала следующая ситуация: зверства, происшедшие во время войны в Югославии, повлекли за собой создание Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии¹.

В ходе судебного рассмотрения в Суд поступило рекордное количество письменных представлений от государств — 43, что свидетельствует о неослабном внимании к этой теме. Кроме того, представители 23 государств выступили с устными заявлениями, 14 из них заявили о противоправности ядерного оружия, в то время как представители ядерных держав и их (ближайшие) партнеры с этой точкой зрения не согласились². Среди государств, выступающих против ядерного оружия или в поддержку Консультативного заключения, большинство — развивающиеся страны. Они считают ситуацию «ядерного апартеида» просто нетерпимой, что также показали обсуждения и результаты конференций, посвященных Договору о нераспространении ядерного оружия и Договору о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия. Даже массивное давление со стороны ядерных держав не смогло изменить позицию этих государств. Вполне возможно, что давление, оказываемое еще до начала работы Международного суда над Консультативным заключением, возымело обратное действие.

Кроме того, существовали различия и даже противоречия в позициях других государств, например, Австралии и Новой Зеландии. Последняя, под впечатлением французских ядерных испытаний, выступила за то, чтобы Суд высказался за запрещение ядерного оружия. Австралия, также поддерживая идею о полном запрещении ядерного оружия, тем не менее высказала пожелание, чтобы Суд не рассматривал этот вопрос ввиду отсутствия такого запрещения (и из опасения, что Суд вынесет отрицательное решение, о чем говорилось в начале данной статьи).

Ниже мы излагаем ряд соображений относительно важнейших выводов, содержащихся в Консультативном заключении Международного суда. Эти выводы отражают ключевые вопросы дискуссии по ядерному оружию³, но оставляют некоторые из них нерешенными. Существенно, что отмечается общая тенденция к укреплению лагеря противников ядерного оружия.

¹ См. по этому вопросу *M. Mohr*. Das humanitäre Völkerrecht 1945–1995. 50 Jahre Entwicklung. Bochumer Schriften zur Friedenssicherung und zum Humanitären Völkerrecht, vol. 31, Bochum, 1996.

² См., например, *IPB News*, December 1995 г., p. 3 и далее.

³ Литература по данному вопросу чрезвычайно обширна. Здесь мы можем указать лишь несколько наиболее важных публикаций: *N. Singh, E. McWhinney*. Nuclear Weapons and Contemporary International Law. Leiden, 1988; *M. Cohen, M. E. Gouin* (eds.). Lawyers and the Nuclear Debate. Ottawa, 1988; *B. Graefrath*. Zum Anwendungsbereich der Ergänzungsprotokolle zu den Genfer Abkommen vom 12. August 1949. Staat und Recht, 29/1980, p. 133 и далее; *H. Fischer*. Der Einsatz der Nuklearwaffen nach Art. 51 des I. Zusatzprotokolls zu den Genfer Konventionen von 1949. Berlin, 1985; *M. C. Ney*. Der Einsatz von Atomwaffen im Lichte des Völkerrechts. Frankfurt-am-Main, 1985; *R. Falk, E. Meyrowitz, J. Anderson*. Nuclear Weapons and International Law. Princeton, 1981; *H.-M. Empell*. Nuklearwaffeneinsätze und humanitäres Völkerrecht. Heidelberg, 1993.

Применимое право

Суд в первую очередь рассматривает право человека на жизнь в соответствии со статьей 6, пункт 1, Международного пакта ООН о гражданских и политических правах. Но затем Суд заявляет, что этот договор не имеет отношения к данному вопросу. Суд объясняет, что, хотя право прав человека применимо даже во время войны и, кроме того, право на жизнь не может быть отменено в силу статьи 4 Пакта ни при каких обстоятельствах, тем не менее вопрос о том, что входит в понятие произвольного лишения жизни, определяется только применимым *lex specialis*, а именно, международным гуманитарным правом¹.

Международный суд не рассматривает знаменитое общее замечание 14/23 Комитета по правам человека, которому было поручено контролировать соблюдение Международного пакта о гражданских и политических правах. В этом замечании Комитет охарактеризовал производство ядерного оружия, его испытание и обладание им как одну из главных угроз праву на жизнь и потребовал поставить под запрет как производство ядерного оружия, его испытание и обладание им, так и его применение, и объявить все это преступлением против человечества². Суду следовало бы точнее определить связь между проблемой ядерного оружия — то есть его всеобщим запрещением и эффективным запрещением его применения — и правом человека на жизнь. Здесь налицо не только параллельность результатов, но и взаимосоупротивление: применение ядерного оружия является одновременно нарушением права на жизнь и международного гуманитарного права. Здесь, как и в других ситуациях, международное гуманитарное право и права человека явно пересекаются.

После заявления о том, что при некоторых определенных обстоятельствах (намерение уничтожить какую-либо группу людей) применим запрет на геноцид, Суд приступает к более детальному изучению связи между применением ядерного оружия и защитой окружающей среды³.

Суд приходит к заключению, что, хотя международное право, существующее в области защиты окружающей среды, не содержит конкретного запрета на применение ядерного оружия, при выполнении положений международного гуманитарного права все же следует принимать во внимание «важные экологические факторы». Действительно, тот факт, что применение ядерного оружия наносит крупномасштабный и долговременный ущерб окружающей среде, является одним из самых серьезных аргументов в пользу объявления этого оружия вне закона⁴.

¹ См. Заключение, пункты 24 и 25.

² См. по этому, а также по другим вопросам *M. Nowak*. CCPR Commentary, Kehl et al., 1993, p. 108 et suiv.

³ См. Заключение, пункт 26 и далее.

⁴ См. *P. Weiss, B. Weston, R. Falk, Mendlowitz*. Draft Memorial in Support of the Application by the World Health Organization for an Advisory Opinion by the International Court of Justice on the Legality of the Use of Nuclear Weapons under International Law. *Transnational Law and Contemporary Problems*, 4 (1994) 2 (примечание 12), p. 24 et suiv.

Далее Суд переходит к определению «уникальных характеристик» ядерного оружия¹. Они заключаются в его колоссальной разрушительной мощи, в том числе радиоактивном излучении, делающей применение ядерного оружия «потенциально катастрофическим по своим последствиям». Кроме того, «это оружие обладает потенциалом для уничтожения всей цивилизации и всей экосистемы планеты». Чрезвычайно важно, что Международный суд относит эти «уникальные характеристики» — в частности, способность причинять невыразимые человеческие страдания и наносить неизмеримый вред будущим поколениям — ко *всем* видам ядерного оружия и всем типам его возможного применения. Таким образом, Суд открыто отмежевался от различных умозрительных спекуляций, например, от теории якобы допустимого изолированного применения ядерного оружия в Антарктиде². Таким теориям можно противопоставить как минимум постоянно существующую опасность эскалации.

Уникальные характеристики ядерного оружия рассматриваются затем в свете применимого права, основными компонентами которого Суд считает положения Устава ООН, касающиеся использования силы, и международное гуманитарное право³.

Ядерное оружие и самооборона

Суд прежде всего верно отмечает, что в статье 51 Устава ООН, касающейся права на самооборону, индивидуальную или коллективную, не упоминаются какие-либо отдельные виды оружия. С другой стороны, понятие самообороны включает в себя критерии необходимости и соразмерности. И здесь Суд высказывает сомнения в отношении возможности применения ядерного оружия. Эти сомнения распространяются также ввиду уже упоминавшихся характеристик оружия и обусловленной им опасности, на «маломощное» и «тактическое» ядерное оружие и на возможные, при определенных обстоятельствах, репрессалии.

На фоне этих весьма четких и убедительных выводов вызывает сожаление тот факт, что Международный суд *отделил* принцип соразмерности (который *per se* не исключает безусловно применение ядерного оружия в случае самообороны) от международного гуманитарного права (который должен служить конечной инстанцией при определении законности применения этого оружия). Дело в том, что принцип соразмерности нашел отражение в *самом* гуманитарном праве, — тем самым это право связывается с международным правом, каким оно записано в Уставе ООН, или международным правом мирного времени. Другими словами, применение ядерного оружия, особенно когда речь идет о нанесении «первого удара», всегда является несоразмерным *и/поскольку* противоречит международному гуманитарному праву.

¹ См. Заключение, пункт 35 и далее.

² См. по этому вопросу *Mohr, op. cit.* (примечание 1), р. 150. Судья Швебель в своем Несовпадающем особом мнении (с. 94) делает аналогичные замечания по поводу «тактического ядерного оружия» и применения ядерного оружия «в пустыне».

³ См. Заключение, пункт 34, а также пункт 37 и далее.

Затем Суд анализирует политику сдерживания, которая, по его мнению, требует, чтобы намерение применить ядерное оружие было убедительным. А подобная «угроза» может, как и само применение ядерного оружия, противоречить международному праву, если нарушаются принципы необходимости и соразмерности¹. Здесь опять позиция Суда совпадает с позицией тех экспертов по международному праву и политическим наукам, которые принадлежат к лагерю противников ядерного оружия.

Всеобщее запрещение ядерного оружия?

Интересно заметить, что, делая вступительное замечание, Международный суд переиначивает вопрос. Любопытно и то, как он это делает. Ни в договорном праве, ни в обычном международном праве нет нормы, которая *узаконивала* бы применение ядерного оружия или — что важно отметить — какого-либо другого вида оружия².

Далее Суд указывает, что в настоящее время не существует конвенционного всеобщего запрещения ядерного оружия, подобного запрещению химического и бактериологического оружия. Суд отмечает, однако, намечающуюся тенденцию, которая заключается в том, что такие соглашения, как Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, Договор о нераспространении ядерного оружия и соглашения о безъядерных зонах, по-видимому, служат выражением растущего беспокойства международного сообщества в отношении ядерного оружия, и эти договоры можно рассматривать как «предвещающие будущее всеобщее запрещение применения такого оружия».

Именно этот процесс происходит в настоящее время. Для него характерно наличие большого числа промежуточных этапов, один из которых — это Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Очень важно, чтобы такая промежуточная деятельность не подменила бы собой продвижение к главной цели³. Целью остается, как определено в статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия, полное ядерное разоружение, то есть полное уничтожение ядерного оружия. Сам Международный суд еще раз твердо заявляет об этой цели в конце своего Заключения; он подчеркивает, что статья VI содержит не простое обязательство в отношении поведения, а обязательство достичь конкретных результатов⁴.

¹ См. там же, пункт 48. См. также *M. Mohr. Völkerrecht kontra nukleare Abschreckungsdoktrin: einige wesentliche und bleibende Einwände. Demokratie und Rechte*, 19 (1991) 1. p. 47 et suiv. В своем Заявлении судья Ши недвусмысленно характеризует практику «ядерного сдерживания» как политику, которая должна быть *объектом* правового регулирования.

² См. Заключение, пункт 52, а также пункт 53 и далее.

³ Можно усомниться в эффективности и смысле так называемых «гарантий безопасности», даваемых ядерными державами, которые предусматривают, в частности, обязательство предоставлять гуманитарную помощь лицам, пострадавшим от ядерного оружия (!). И все же судья Швებель делает слишком далеко идущие обобщения (Несовпадающее особое мнение, с. 85 и далее), когда истолковывает наличие подобных гарантий, а также Договора о нераспространении ядерного оружия как всеобщее признание законности ядерного оружия в условиях существования «пятидесятилетней практики государств».

⁴ См. Заключение, пункт 98 и далее.

С этой точки зрения проект договора о (полном) запрещении применения ядерного оружия, осуществления которого в течение многих лет добивается Генеральная Ассамблея ООН, может быть (лишь) еще одним промежуточным этапом. Каким бы ни оказался подобный договор, он лишь дополнит собой существующие документы. Поэтому возникает вопрос, не следует ли приступить непосредственно к всеобъемлющему (договорному) запрещению ядерного оружия как такового. Некоторое время назад стали предприниматься определенные усилия в этом направлении как на межправительственном уровне, так и на уровне неправительственных организаций¹. Данное Консультативное заключение Международного суда, бесспорно, придаст серьезный импульс этому процессу, особенно осуществляемому в рамках ООН².

Что касается другого источника международного права, а именно, обычного права, то Суд не смог констатировать существования убедительного *opinio juris*. Разумеется, усилия Генеральной Ассамблеи ООН, о которых говорилось выше, направленные на принятие конвенции, запрещающей ядерное оружие, отражают пожелание весьма значительной части международного сообщества и представляют собой, таким образом, «зарождающееся *opinio juris*». Однако это сопровождается еще большей приверженностью некоторым доктринам сдерживания, которая истолковывается как право применять ядерное оружие в целях самообороны против вооруженной агрессии, ставящей под угрозу «жизненно важные интересы безопасности» соответствующего государства³. К сожалению, в этом месте Суд не сослался опять на критерий соразмерности, который, конечно же, применяется и в области обычного права. Далее возникает вопрос, в какой мере приверженность отдельных государств доктрине, противоречащей, по крайней мере по своей тенденции, международному праву, может обесценить ту концепцию права, которой придерживается подавляющее большинство государств⁴.

Международное гуманитарное право

Основная часть Заключения Суда посвящена рассмотрению применения ядерного оружия или угрозы им в свете принципов и норм международного гуманитарного права⁵. Были выделены следующие основополагающие принципы этого права:

- 1) защита гражданского населения и гражданских объектов и различие между комбатантами и некомбатантами;

¹ Например, была образована группа неправительственных организаций, выступающая за уничтожение ядерного оружия (NGO Abolition Caucus); см. *Mohr, op. cit.* (см. сноску 2 на с. 86), р. 152.

² Малайзия тем временем выступила с инициативой, чтобы Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой приветствовалось бы Консультативное заключение Международного суда и содержался призыв к государствам начать в 1997 г. переговоры по разработке конвенции о всеобъемлющем запрещении ядерного оружия.

³ См. Заключение, пункт 64 и далее.

⁴ Так, судья Ши подчеркивает в Заявлении, что международное сообщество все же состоит из 185 государств и что построено оно по принципу суверенного равенства.

⁵ См. Заключение, пункт 74 и далее.

- 2) необходимость избегать причинения излишних страданий и положение, согласно которому государства не располагают неограниченным правом выбора используемого ими оружия.

В Заключении разъясняется также, что хотя на Дипломатических конференциях 1949 г. и 1974–1977 г. не рассматривался вопрос о ядерном оружии, это не значит, что выработанные принципы международного гуманитарного права неприменимы к ядерному оружию. Суд, таким образом, ограничился тем, что встал на позицию так называемого (подразумеваемого) «ядерного консенсуса», которая находит свое выражение также в заявлении Федеративной Республики Германии по этому вопросу¹. Однако такую позицию можно считать удовлетворительной с точки зрения назначения данного Заключения. Помимо обращения к принципам и нормам международного гуманитарного права Суд также обращается к принципу нейтралитета, который, как он справедливо замечает, безусловно применяется ко всем международным вооруженным конфликтам, независимо от того, какой вид оружия в нем используется.

Установив применимость этих принципов, Международный суд приходит к «раздвоенному» и, на мой взгляд, противоречивому заключению, согласно которому:

- 1) ввиду «уникальных характеристик» ядерного оружия его применение вряд ли совместимо с требованиями международного гуманитарного права;
- 2) тем не менее Суд не считает себя в состоянии с уверенностью заключить, что применение ядерного оружия противоречит международному гуманитарному праву *при любых обстоятельствах*; ведь у государств есть право на дальнейшее существование, право на самооборону, существует также политика сдерживания, которой на протяжении многих лет привержена значительная часть международного сообщества.

Утверждением, сделанным в пункте 2, Суд, на мой взгляд, противоречит своей прежней позиции. Это утверждение является прямой уступкой ядерным державам и сторонникам доктрины ядерного сдерживания. Критерий соразмерности и нормы международного гуманитарного права, как показал ранее Суд, в полной мере применимы к любому случаю использования ядерного оружия или вообще всякого другого вида оружия. Цель международного гуманитарного права как раз и состоит в том, чтобы ограничить масштабы последствий вооруженных конфликтов, независимо от того, кто ведет войну и при каких обстоятельствах.

Конечно же, ни у кого не возникнет мысль разрешить использование ядовитых газов в случае, если под угрозой находятся «жизненно важные интересы безопасности» или «дальнейшее существование» какого-либо государства. Ведь исключительные обстоятельства подобного характера всегда имеют место при вооруженном нападении (что подразумевает осуществление права на самообо-

¹ Согласно которому (новые) нормы, установленные Дополнительным протоколом I к Женевским конвенциям, применяются только к обычным видам оружия и без ущерба для других норм, применимых ко «всякому другому виду оружия»; по этому вопросу см. преимущественно Fischer (см. сноску 3 на с. 88).

рону), особенно когда встает вопрос о (законном) применении ядерного оружия. Как раз если государство хочет выжить, лучше *не* прибегать к ядерному оружию!

Таким образом, Суд приходит к важному выводу о том, что применение ядерного оружия и угроза им в целом незаконны с точки зрения международного гуманитарного права, но при этом он оставляет нечто вроде «запасного выхода» на случай возникновения угрозы дальнейшему существованию какого-либо государства. Данное решение было принято с трудом — семью голосами против семи, плюс решающий голос председателя Суда. Следует, однако, заметить, что три (формальных) голоса «против» поступили от судей, которые отрицают любые возможные оправдания применения ядерного оружия. «Настоящими» же голосами «против» были только голоса судей, представляющих три ядерные державы: США, Великобританию и Францию. Немецкий судья Флайшхауэр голосовал в той группе судей, которая вместе с председателем составила большинство.

В большей части заявлений и мнений судей обсуждается пункт 105.2E Заключения. Существуют явные противники «запасного выхода», оставленного открытым Судом (судьи Виранантри, Шахабуддин и Корома). Даже председатель Суда Беджауи подчеркивает, что невозможно ставить дальнейшее существование государства выше права человечества на дальнейшее существование. Судья Корома критикует — по моему мнению, справедливо — стремление вернуться к устаревшей и юридически несостоятельной «доктрине выживания» и правильно указывает на то, что Суд на самом деле не ответил на поставленный вопрос, то есть на вопрос, допускается ли применение ядерного оружия «при каких-либо обстоятельствах». Ответ Международного суда, содержащийся в пункте 105.2E, вызывает у судьи Хиггинс недоумение, а судья Флайшхауэр видит в нем наименьший общий знаменатель для вступающих в противоречие — на мой взгляд, ненужного и непонятного — международного гуманитарного права и права на самооборону¹. Как далеко на практике могут зайти такие «чрезвычайные обстоятельства», наглядно продемонстрировал вице-председатель Суда Швებель в своем рассказе об операции «Буря в пустыне» (угроза применения ядерного оружия с целью удержать противника от использования химического и бактериологического оружия против союзнических сил)².

В своих первых замечаниях, высказанных по поводу Заключения, ядерные державы, США и Великобритания, использовали этот «запасной выход», объясняя, что таким образом применение ядерного оружия может допускаться международным правом и что Консультативное заключение никак не повлияет на оборонную политику³. Становится очевидно, насколько ненужным и фактически даже опасным является этот «аварийный выход», предусмотренный в пункте 105.2E Заключения. Поэтому важно акцентировать внимание на *основном* (положительном) заявлении Суда, подтверждающем, что применение ядер-

¹ См. Несовпадающее мнение судьи Корома, в частности с. 322 и 340; Несовпадающее особое мнение судьи Хиггинс, пункт 41; Особое мнение судьи Флайшхауэра, пункт 5.

² См. Несовпадающее особое мнение судьи Швებеля, с. 96 и далее.

³ См. War & Peace Digest, 4 (1996) 3, p. 2.

ного оружия в целом *противоречит международному праву* (первое предложение пункта 105.2E). Кроме того, были сделаны другие, уже упоминавшиеся, важные заявления, в частности об отсутствии в международном праве конкретного положения, разрешающего применение ядерного оружия, или о необходимости соответствия права, регулирующего использование ядерного оружия, праву, применимому в вооруженных конфликтах.

Заключительные замечания

Несмотря на определенные недостатки и противоречия, Консультативное заключение Международного суда от 8 июля 1996 г. — это триумф принципа права в международных отношениях. Суд ответил на один из самых острых политико-правовых вопросов нашего времени: законно ли применение ядерного оружия? И его ответ является в сущности отрицательным. Хотя консультативные заключения Международного суда не имеют обязательной силы, они тем не менее пользуются большим авторитетом. Благодаря поразительной структуре данного Заключения, его можно поставить в один ряд с известными ранее сделанными заключениями Суда, которые оказали огромное воздействие на развитие международного права¹.

¹ Можно вспомнить, в частности, Консультативные заключения об оговорках в отношении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1951 г.), о «Некоторых расходах Организации Объединенных Наций» (1962 г.) или по Намибии (1971 г.).